

Кобахидзе Елена Исааковна

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ПОРЕФОРМЕННОЙ ОСЕТИИ

В статье анализируются изменения, произошедшие в социальной структуре Осетии в пореформенный период. Показано, что хотя на процессы формирования основных городских сословий Владикавказа свое влияние оказала протекционистская политика российского правительства, в целом они протекали в русле общероссийских тенденций и регулировались законодательно. Изменения в сельском горском социуме, связанные с появлением новых социальных категорий (таких, например, как отходники и временнопроживающие), напротив, происходили главным образом стихийно и являлись "побочным" результатом правительственной политики по отношению к Северному Кавказу.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/12-4/20.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(86): в 5-ти ч. Ч. 4. С. 78-82. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/12-4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список источников

1. Барбер М., Муршед М. Как добиться стабильно высокого качества обучения в школах. Уроки анализа лучших систем школьного образования мира / пер. с англ. // Вопросы образования. 2008. № 3. С. 7-60.
2. Карпов А. О. Коммодификация образования в ракурсе его целей, онтологии и логики культурного движения // Вопросы философии. 2012. № 10. С. 85-96.
3. Никольский В. С. Коммодификация знания и образования: эссе о ценностях и ценах // Высшее образование в России. 2010. № 3. С. 149-152.
4. Огурцов А. П. Постмодернистский образ человека и педагогика // Человек. 2001. № 3. С. 5-17.
5. Огурцов А. П., Платонов В. В. Образы образования. Западная философия образования. XX век. СПб.: РХГИ, 2004. 520 с.
6. Свинаярева О. В. Интерпретация понятия «педагогическое сопровождение» в современной науке // Инновации в науке: сб. ст. по материалам XL междунар. науч.-практ. конф. 2014. № 12 (37). Новосибирск: СибАК, 2014. С. 145-150.
7. Ширинов В. Д. Педагогическая фасцинация // Педагогика. 2006. № 9. С. 29-34.

**FROM PRESCRIPTIONS TO PROPOSALS:
THE RUSSIAN EDUCATION ON THE WAYS OF REFORMATION**

Kamenev Sergei Valentinovich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Maritime State University named after admiral G. I. Nevelskoy, Vladivostok
kabra61@gmail.com

The article examines the socio-cultural circumstances of the establishment of market regulators in the system of national education, the consequences of which are: the loss of the prescriptive modality of pedagogical activity, the pluralization of the institutional structure of the national school, the differentiation of the unified teachers' community. Changes in the key social functions of the educator are discussed in the context of the liberalization of authoritarian educational strategies. New professional competences of the teacher, actual in the modern educational space, are revealed.

Key words and phrases: education system; education models; anti-pedagogy; education commodification; educational services market; support pedagogy.

УДК 9+314.93

Исторические науки и археология

В статье анализируются изменения, произошедшие в социальной структуре Осетии в пореформенный период. Показано, что хотя на процессы формирования основных городских сословий Владикавказа свое влияние оказала протекционистская политика российского правительства, в целом они протекали в русле общероссийских тенденций и регулировались законодательно. Изменения в сельском горском социуме, связанные с появлением новых социальных категорий (таких, например, как отходники и временнопроживающие), напротив, происходили главным образом стихийно и являлись «побочным» результатом правительственной политики по отношению к Северному Кавказу.

Ключевые слова и фразы: Осетия; социальная структура; городские сословия; горское крестьянство; отходники; временнопроживающие.

Кобахидзе Елена Исааковна, д.и.н., доцент

*Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В. И. Абаева
Владикавказского научного центра Российской академии наук, г. Владикавказ*
elena_k11@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ПОРЕФОРМЕННОЙ ОСЕТИИ

Закономерным следствием российских буржуазных реформ второй половины XIX в. стали значительные подвижки в социальной структуре населения страны. Реформы создали стимулы для развития торгово-предпринимательской деятельности, расширения экономического пространства, возникновения частной и общественной хозяйственной инициативы и увеличения социальной мобильности населения как по горизонтали, так и по вертикали благодаря все более нарастающему процессу размывания сословных границ.

С некоторым отставанием от центральных российских губерний на путь капиталистического развития встал и Северный Кавказ, из далекой патриархальной провинции превратившийся в один из наиболее динамично развивающихся регионов страны. Интенсификация ремесленного производства, товаризация сельского хозяйства, расширение торговых оборотов и другие формы капитализирующейся экономики привели к заметным изменениям в социальной структуре местного населения и появлению новых социальных групп, оказавших существенное влияние на социокультурное и экономическое развитие края. Наиболее интенсивно эти процессы протекали в Терской области и ее городах [15], среди которых особое место занял Владикавказ как административный, хозяйственный и интеллектуальный центр региона.

Расположенный на пути из России в Закавказье, Владикавказ всегда привлекал «торговых людей» из разных уголков России и Кавказа. Начав торговлю в середине 1830-х гг. с 300 руб., многие местные купцы уже через 15 лет имели оборот в 20 тыс. руб. [4, с. 109]. Одновременно с увеличением торговых оборотов купечества в растущем городе расширялась и разнообразилась производственная деятельность. Наряду с крупными предприятиями с оборотом в 130 тыс. руб. в год (табачная фабрика Б. С. Вахтангова, кирпичный завод барона Л. В. Штейнгеля, мельницы Лазарева, Проханова, Ходякова и др.) в городе действовало множество небольших производств, годовые обороты которых составляли от нескольких сотен до 2-3 тыс. рублей. Почти все предприятия Владикавказа (кирпичные, кожевенные, табачные, пивоваренные и др.) принадлежали местному купечеству или выходцам из местного горского населения, осевшим в городе и пополнившим слой городских обывателей.

Российское правительство придерживалось протекционистской политики по отношению к северокавказским городам с тем, чтобы поощрить развитие в них торгово-экономической инфраструктуры. Так, Положение об управлении Владикавказом 1860 г. [7, с. 352-359], регламентируя порядок приписки к городу, определяло, наряду с обязанностями, и существенные льготы для всех желающих приписаться к числу городских обывателей. Вступить в городское сословие могли все желающие, «не исключая и лиц из горских племен», если к тому не было законных препятствий. Новое Городовое положение 1870 г., введенное во Владикавказе с 1 января 1875 г., к городским обывателям относило тех, кто причислялся законом «к среднему роду людей», и уточняло, что «к состоянию городских обывателей, под общим названием граждан, принадлежат: 1) почетные граждане; 2) купцы; 3) мещане или посадские; 4) ремесленники или цеховые...» [9, с. 59].

В пореформенные десятилетия во Владикавказе окончательно сформировалась сословная структура, характеризующая городское население России. Поскольку Владикавказ изначально являлся центром сосредоточения местных ремесел, именно сословие ремесленников сложилось здесь ранее остальных сословных групп. Ко времени преобразования крепости Владикавказ в город (1860) здесь проживало 229 человек, занимающихся ремеслом [1, с. 1186]; в 1876 г., когда во Владикавказе было введено полное цеховое устройство, среди горожан насчитывалось 1504 ремесленника, в числе которых значилось 759 мастеров, 613 рабочих и 132 ученика [4, с. 166]. К концу же XIX в. численность цеховых (вместе с мещанами) в городе составила почти 20 тыс. человек [10, с. 10].

Формирование ремесленного сословия во Владикавказе отвечало общероссийскому законодательству. Причисление к ремесленному цеху обеспечивало права мещанства: ремесленники, как и мещане, относясь к непривилегированному сословию, платили подати и налоги, несли различные повинности, имели соответствующие имущественные права и т.п. [2, с. 484-485]. Ремесленное сословие Владикавказа было пестрым и в социальном, и в этническом отношении. Те, кто занимался одним и тем же ремеслом либо представляли одну этническую группу, обычно образовывали в городе свои кварталы. Так, армянский квартал населяли седельники, оружейники, шапочники, серебряники [5, с. 5]. Среди серебряных и золотых дел мастеров были и представители кавказского населения: «казикумухи, осетины и чеченцы», армяне, «выкрещенный татарин», евреи, выходцы из Дагестанской области [12, с. 174].

Большинство осевших в городе представителей кавказских народов, как и значительная часть русского населения, занимались главным образом привычными кустарными промыслами. Это были столяры и плотники, хлебники, сапожники, мясники, каменщики и кузнецы, шапочники, колесники и каретники, печники, лудильщики, слесари, бондари, маляры, кровельщики и стекольщики, обойщики, живописцы, горшечники, медники, золотошвей и галунщик, оружейник и др. [8, с. 59-68], – в основном люди тех профессий, которые оказывались наиболее востребованными в растущем и быстро развивающемся городе.

Но, хотя ремесленное производство во Владикавказе было достаточно развитым, а категория ремесленников в структуре городского населения была довольно хорошо представлена, основным его ядром, как и во всех российских городах, являлись мещане. Будучи податным городским сословием, по некоторым личным правам мещане не отличались от ремесленников, и, более того, к концу 90-х гг. XIX в. в справочных сводках они в отдельное сословие не выделялись и объединялись с ремесленниками, что объяснялось близким социально-экономическим положением обеих этих «непривилегированных» категорий городского населения. Однако по своему общественному положению мещане стояли все же несколько выше, чем ремесленники (цеховые), мелкие служащие и рабочие местных предприятий.

Сословные рамки для мещан отличались относительной подвижностью, что обусловило разнородный состав мещанского сословия как такового. В него вливались выходцы из других социальных категорий – преимущественно крестьян, приписавшихся к городским обывателям, купцов, которые после упразднения в 1863 г. 3-й купеческой гильдии также записывались в мещанское сословие, а также ремесленников. Сословие мещан во Владикавказе пополнялось и за счет отставных военных и членов их семей.

Хозяйственные занятия мещан регламентировались законодательно, и со временем сфера их профессиональной деятельности все более расширялась. Как и в других российских городах, мещанство Владикавказа существовало за счет собственного труда, занимаясь мелким предпринимательством, сельскохозяйственными работами. Мещане могли содержать харчевни, лавки, торговые и питейные заведения, в т.ч. и в селениях, открывать небольшие производства, чаще основанные на семейной кооперации, хотя в них мог применяться и наемный труд. Нередко мещане нанимались в качестве прислуги, служили приказчиками или шли в наем к фабрикантам и заводчикам.

За несколько десятилетий, прошедших со времени преобразования крепости Владикавказ в город, численность мещанского сословия заметно увеличилась, чему во многом способствовали как льготы, предоставленные

мещанам Положением об управлении Владикавказом 1860 г., так и развитие городской торговли и промышленности. В год проведения Первой Всеобщей переписи населения Российской империи (1897) «мещане и цеховые» Владикавказа составляли самую многочисленную группу горожан – 20 148 чел., т.е. 40,86% в почти 50-тысячном населении города [13, с. 10] и треть всего населения Терской области.

Изменение статуса Владикавказа повлияло и на положение местного купечества. Облегченные правила приписки к городскому сословию и специальные льготы сделали город привлекательным в торговом отношении.

Состав купеческого сословия также был достаточно неоднородным, поскольку доступ в него имели представители как податных, так и неподатных сословий, как городские, так и сельские обыватели свободного состояния. В пореформенном Владикавказе в купечество нередко переходили и мещане.

Владикавказское купечество охотно приобретало торговые билеты и гильдейские свидетельства, определяющие объемы торговой и производственной деятельности. В 1876 г., например, купцам 1-й гильдии было выдано 27 свидетельств и билетов, 2-й гильдии – 160, на мелочный торг – 218; на «мещанские промыслы» – 82, на «разносный торг» – 124, «прикащикам» – 287, а всего – 897, при этом отмечалось, что значительной разницы в числе приобретенных билетов по сравнению с прошлым годом нет [8, с. 65].

Уже на 1 января 1864 г. в городе проживало более 570 купцов 1-й и 2-й гильдии [4, с. 145], в то время как к концу XIX в. их численность составила 757 чел., а включая Владикавказский округ – 823 чел. [10, с. 10]. В целом в населении округов и городов Терской области численность купечества в последние годы XIX в. колебалась в пределах 0,2-0,3%. Во Владикавказе, где на 1 января 1900 г. проживало 49 224 чел. [Там же, с. 2, 8], купечество составляло чуть более 1,5%, то есть относительно малочисленную сословную группу. Однако это была наиболее социально активная категория населения, в большой степени определяющая ритмы общественной жизни Владикавказа и всего региона. Многие из купцов 1-й и 2-й гильдии занимались благотворительностью, участвовали в качестве гласных в работе городской думы и управы, активно содействуя хозяйственному и культурному развитию города.

Изменения в хозяйственной жизни пореформенной Осетии привели к существенным подвижкам и в социальной структуре ее сельского населения. Проникнув в горское село, буржуазные отношения изменили не только его облик, но и повлияли на прежний, устоявшийся патриархальный уклад.

Следствием интенсификации производства стала товаризация сельского хозяйства, сопровождающаяся увеличением посевных площадей и заменой традиционных для горского земледелия культур высокотоварными, в том числе техническими: кукурузой, льном, коноплей, табаком. Одновременно росла стоимость земли и, соответственно, арендной платы. Если в 1870-х гг. аренда одной десятины земли стоимостью в 9 руб. составляла 5-10 руб., то к концу XIX в. она выросла уже до 15-30 руб. [4, с. 170].

Новые условия хозяйствования и жизнеобеспечения формировали новые вызовы для горского крестьянства и требовали денежных вложений, причем не только для уплаты аренды. Довольно большие суммы вносились сельскими обществами в счет подымной и поземельной податей, мирских и земских повинностей, тратились на покупку необходимых в быту и для ведения хозяйства предметов и пр. Углубление имущественной дифференциации в горском селе вело к тому, что, наряду с отдельными экономически крепкими семьями, появился целый слой крестьян, бывших не в состоянии обрабатывать свои наделные участки. В поисках заработка многие из них отправлялись в города или даже за пределы края – на фабрики, заводы, нефтяные и рудные разработки, а чаще шли в казацкие станицы на сезонные сельскохозяйственные работы. Так возник характерный для пореформенного периода социальный феномен отходничества, обусловленный процессами расслоения горского крестьянства. Исследователи отмечают, что «осетин можно было встретить повсюду: в Париже – в качестве искусных наездников; в Харбине во время русско-японской войны – в качестве рестораторов, официантов, подрядчиков; в России и в Закавказье они служили помощниками управляющих, приказчиками, мелкими торговцами, а чаще стражниками» [Там же, с. 171]. Часть отходников устремлялась даже за рубеж – в Европу, Америку, Канаду. Средства, добываемые отходниками на стороне, оказывали существенную помощь в хозяйстве семьи. В то же время отходники, выполняя посредническую роль в межкультурной коммуникации, несли с собой новый социальный опыт, расширяли представления своих односельчан об окружающем их мире, переносили на местную почву новые хозяйственные и культурные образцы и иные представления об окружающей действительности. И уже к концу века традиционная самобытность стала восприниматься как нечто отсталое, не соответствующее требованиям современной жизни. В целом же отходничество и усиливающееся влияние города заметно сказывались и на устройстве быта, и на мировоззрении осетинского крестьянства.

Существовали и другие обстоятельства, лежавшие вне собственно экономической сферы, определявшие подвижки в социальной структуре горского общества пореформенных десятилетий. Речь идет о правительственной переселенческой политике, результаты которой сказались не только на экономическом положении края, но и изменили его социально-демографический фон [3].

Активно проводившаяся, особенно в 1870-е гг., политика заселения Северного Кавказа выходцами из центральных российских губерний вела к обезземеливанию местного крестьянства с одновременным уменьшением земельного надела на 1 муж. душу. Так, в равнинных поселениях в 1892 г. в среднем на душу приходилось 5,1 дес. удобной земли и 5,4 дес. – неудобной, в то время как продовольственная норма, к примеру, для Осетии составляла 11 дес. удобной земли на 1 муж. душу [11, с. 36]. В горной полосе безземелье достигало еще больших масштабов, не превышая 6,5 дес. Из-за нехватки земель, пригодных для ведения хозяйства, здесь могло прожить лишь 12% населения, остальные 88% были избыточными. В среднем к XX в. 65% всех селений Терской области являлись малоземельными [11, с. 27, 28; 14, с. 97-100, 166].

Хроническое малоземелье наряду с перенаселением заставляло часть жителей горных ущелий переселяться в находящиеся в более благоприятных условиях плоскостные селения, где они оседали в качестве временнопроживающих [6, с. 37].

Возникшая в сельском населении Терской области в пореформенные годы категория временнопроживающих пополнялась разными путями. Один из них связывается с результатами проведенной в горских обществах земельной реформы, когда размеры пригодных для землепользования земельных наделов, передаваемых сельским обществам, оказывались меньше прежнего, что ухудшало экономическое положение многих семей. Свою роль играла также кровная вражда, из-за которой целые фамилии вынужденно меняли место жительства. Были среди временнопроживающих и те, кто, поддавшись мухаджирским настроениям, отбыли в Османскую империю после окончания Кавказской войны, но не прижились там и пожелали вернуться. В этом случае переселенцы теряли право пользования прежним земельным наделом, но и новый земельный пай им не полагался, поскольку они не были приписаны к определенному обществу. Иногда временнопроживающих в административно-полицейском отношении приписывали к определенному населенному пункту – чаще всего к тому, где жили их однофамильцы или бывшие односельчане [17, с. 136-137].

В Осетии число временнопроживающих росло в основном за счет стихийных самовольных выселений из горных районов в относительно более обеспеченные в земельном отношении равнинные села. Но и там переселенцам закрепиться удавалось не всегда – сельские общества с неохотой давали им разрешение на подселение ввиду нехватки земель для собственных нужд.

Можно констатировать, что появление этой новой социальной группы было обусловлено встречей на Владикавказской равнине двух миграционных потоков: один был представлен местным горским населением, другой – переселенцами из российских губерний. Интересы землеустройства последней превалировали над земельными проблемами самих горцев: несмотря на скученность и недостаток пригодных для хозяйственного использования земельных площадей, у местного населения в пользу переселенцев изымались «свободные» с точки зрения властей земли (т.е. не находящиеся в общинном пользовании пастбищные, луговые и лесные угодья), которые объявлялись казенными [14, с. 38]. Не удовлетворялись и просьбы выселенцев выдать им в пользование участки из ставшими казенными земель, поскольку преимущества в этом отношении предоставлялись русским переселенцам, и лишь в случае их отсутствия – безземельным горцам [16, д. 1, л. 16, 19].

Тем не менее по сравнению с 1880-ми гг. число временнопроживающих в плоскостных селах Осетии к 1905 г. почти удвоилось [11, с. 33].

Таким образом, в пореформенные десятилетия социальная структура населения Осетии заметно изменилась как в городе Владикавказе, так и в окружающих его селах. Законодательство регулировало сословные границы и определяло порядок причисления к тому или иному сословию. И хотя сословный строй изживал себя, он все еще оставался основной структурообразующей матрицей российского общества, частью которого становилось население кавказской окраины и ее отдельных областей.

Но если основные социальные категории городского населения Владикавказа формировались в соответствии с общероссийскими тенденциями, то в сельской среде процессы, связанные с появлением новых общественных групп, имели свою специфику, обусловленную не только хозяйственно-экономическими новациями, но и деятельностью правительственной администрации. И если численность и состав городского населения, равно как и занятия основных городских сословий, регулировались законодателем, то в местной крестьянской среде процессы социальной дифференциации, сопровождаемые появлением новых социальных категорий, происходили стихийно, будучи «побочным» и не всегда ожидаемым результатом политики, проводившейся правительством по отношению к Северному Кавказу и его населению.

Список источников

1. **Акты, собранные Кавказской археографической комиссией** (АКАК): в 12-ти т. Тифлис: Тип. гл. упр. Наместника Кавк., 1904. Т. XII (1856-1862). 1552 с.
2. **Иванова Н. А., Желтова В. П.** Сословное общество Российской империи. М.: Новый хронограф, 2009. 752 с.
3. **Кобахидзе Е. И.** Переселенческая политика России на Северном Кавказе как средство «упрочения русской культуры и гражданственности» // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2016. № 2. С. 45-57.
4. **Ларина В. И.** Очерк истории городов Северной Осетии (XVIII-XIX вв.). Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1960. 219 с.
5. **Ларина В. И.** Социально-экономическое развитие города Владикавказа во 2-й половине XIX века и его влияние на окружающее горское население // Известия Северо-Осетинского НИИ. Орджоникидзе, 1958. Т. XXI. Вып. 1. С. 1-21.
6. **Материалы по истории Осетии:** сборник документов, относящихся к периоду от 1868 до 1904 г. / под ред. Д. А. Дзагурова. Дзауджикау: Гос. изд-во Сев.-Осет. АССР, 1950. Т. III. 350 с.
7. **Полное собрание законов Российской империи.** СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1862. Собрание второе. Т. XXXV. Отд. 1-е. № 35648.
8. **Сборник сведений о Терской области.** Владикавказ: Терск. обл. стат. ком., 1878. Вып. 1. 382 с.
9. **Свод законов Российской империи.** СПб.: Государственная типография, 1899. Т. IX. Свод законов о состояниях. Кн. 1. Разд. 3. Ст. 502-503.
10. **Статистический ежегодник** // Терский календарь на 1901 год. Владикавказ: Типография Терского областного правления, 1900. Вып. 10. С. 1-160.
11. **Тедтоев А. А.** Временнопроживающие крестьяне в Северной Осетии во второй половине XIX и в начале XX в. Дзауджикау: Гос. изд-во Северо-Осет. АССР, 1952. 156 с.
12. **Терский календарь на 1891 год:** в 2-х кн. Владикавказ: Типография Терского областного правления, 1890. Кн. 1. 467 с.

13. Терский календарь на 1898 год. Владикавказ: Типография Терского областного правления, 1897. Вып. 7. 333 с.
14. Труды комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской области. Владикавказ: Электронпечатня П. К. Григорьева, 1908. 375 с.
15. Туаева Б. В. Город в урбанизационных процессах в России (XIX – начало XX в.) // Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. 2013. Вып. 10 (49). С. 57-70.
16. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания. Ф. 168. Оп. 1.
17. Цориева И. Т. Пути исповедимые... Из истории основания равнинных поселений на Кавказе в конце XVIII – XIX в. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. 254 с.

THE SOCIAL STRUCTURE OF POST-REFORM OSSETIA

Kobakhidze Elena Isaakovna, Doctor in History, Associate Professor
*V. I. Abaev North-Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies
of Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz
elena_k11@mail.ru*

The article analyzes the changes that occurred in the social structure of Ossetia in the post-reform period. It is shown that although the protection policy of the Russian government influenced the processes of the formation of the main urban estates in Vladikavkaz, on the whole, they proceeded along the lines of all-Russian trends and were regulated by law. Changes in the rural mountain community, associated with the emergence of new social categories (such, for example, as *otkhodniki* (seasonal workers) and temporary residents), on the contrary, occurred mainly spontaneously and were “a side effect” of the government policy towards the North Caucasus.

Key words and phrases: Ossetia; social structure; urban estates; mountain peasantry; *otkhodniki* (seasonal workers); temporary residents.

УДК 130.2

Философские науки

В статье рассматривается возможность реконструкции элементов понятийного фрагмента концепта «культура» на основе анализа культурфилософских концепций И. Канта, Э. Кассирера, Н. А. Бердяева. Показано, что важнейшими понятиями, определяющими понимание культуры в рассматриваемых концепциях, являются понятия «цивилизация» и «свобода», а важнейшими аксиологическими категориями, характеризующими духовную культуру человека, – понятия «добро-благо» и «красота».

Ключевые слова и фразы: культурный концепт; культура; цивилизация; свобода; символизм культуры.

Коваленко Елена Михайловна, д. филос. н.
*Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону
emkovalenko@sfedu.ru*

«КУЛЬТУРА» КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ СИМВОЛИЗМА

В современном философско-культурологическом знании, ориентированном на осмысление становления и развития когнитивной науки, особую роль играет термин «концепт», подходы к интерпретации сущности и смысла которого в современной науке достаточно разнообразны. Все исследователи признают многомерность культурного концепта как ментального образования, выделяя в нем несколько качественно разнородных семантических слоев, каждый из которых может быть конституирующим в семантике концепта: *понятийный*, который невозможно описать через перечисление семантических признаков в связи с их разнотипностью; *ассоциативный*, проявляющийся в форме образно-метафорических коннотаций, и *имя* концепта как его вербализация в конкретном естественном языке. Многомерность и сложность культурного концепта позволяет рассматривать его в качестве семантически целостного ментального образования, погруженного в культурно-языковую среду.

В современной науке культурные концепты рассматриваются в качестве обыденных аналогов философских категорий, существующих в различных формах в любой этнокультуре. Культурные концепты – это элементы знания, составляющие когнитивность и культуры в целом, и человека как ее отдельного представителя. Когнитивность формируется «из взаимодействия сознания с внешним миром» [10, с. 261], и поэтому для реконструкции понятийной составляющей культурного концепта могут быть использованы авторские тексты философов, которые в качестве специфического предмета когнитивной науки могут рассматриваться как «фрагменты концептосферы и смысловые опоры исторически определенной культуры» [11, с. 44]. Такой подход позволяет через описание концептов авторского философского текста реконструировать когнитивный строй соответствующей культуры.

Проведем реконструкцию элементов понятийного фрагмента концепта «культура» в контексте философских концепций И. Канта, Э. Кассирера, Н. А. Бердяева, которые сыграли особую роль в становлении европейской философии культуры [8].